

Последняя пластинка Шоляпина

К 125-летию со дня рождения Ф.И.Шоляпина

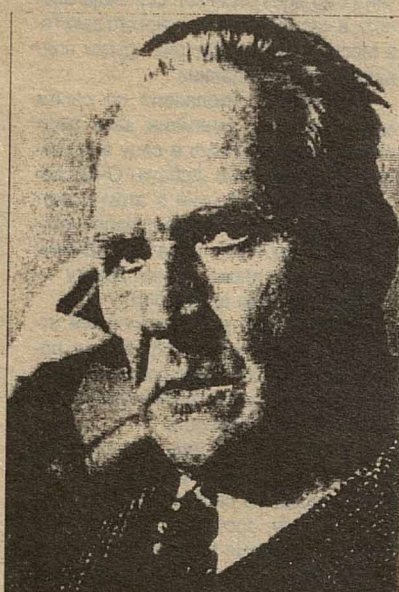
В последний раз Федор Иванович Шоляпин принимал участие в записи грампластинки 6 февраля 1936 года в Токио. Аккомпанировал ему начинающий финский концертмейстер Жорж де Годзинский (ему был тогда 21 год), с которым Шоляпин, искавший аккомпаниатора для полугодового японского турне, познакомился в ноябре 1936 года во время единственных своих гастролей в Финляндии, за месяц до отъезда в Японию и Китай.

«День этот, — рассказывал Годзинский о последней записи Шоляпина, — выдался довольно напряженным. Утром готовились к записи пластинки, а ведь вечером предстоял «нормальный» в двух отделениях концерт, которым завершались наши выступления в японской столице. Билеты давно уже были распроданы, ведь это был наш пятый из концертов в Токио, которые проходили с триумфальным успехом. Американская граммофонная компания «Victor» послала своих специалистов в Токио для того, чтобы записать несколько пластинок с Шоляпиным. Работа предстояла огромная и ответственная, но полностью выполнить ее мы не смогли. Наши гастролы были уже давно расписаны по дням и часам. Поэтому записать удалось только одну пластинку — по одному произведению на каждой стороне. Это были «Эй, ухнем» и «Песня о блохе» Мусоргского. Комнатка, в которой работали, была небольшой, никакой акустики, значительное место в ней занимал рояль марки «Бехштейн». Два раза мы исполнили эти произведения без записи, чтобы определить ряд технических деталей, так как сама техника записи не была такой совершенной, как сейчас.

Шоляпин всегда волновался перед выступлением и, например, перед концертом частенько курил, но не в затяжку, а просто пускал дым. Но во время записи этой пластинки Федор Иванович не курил. «Эй, ухнем», наверное, самая любимая песня Шоляпина. Он ее всегда исполнял на «бис», что вызывало еще большую бурю аплодисментов. Каждую вещь мы записывали по несколько раз, а потом Федор Иванович отбирал то, что ему понравилось. Так получилось, что последние записи обоих произведений оказались лучшими, так они теперь и звучат на пластинках. Мне тогда тоже подарили несколько экземпляров, но при длительном переезде по возвращении из Японии пластинки оказались испорченными».

Жорж Годзинский рассказывал, что в Японии и Китае Шоляпина встречали как первое лицо государства. В японской печати его называли «Королем певцов». На концертах было много русских. Уже после выступлений Шоляпин сказал: «Весьма тронут я русской эмигрантской колонией в Токио, так дружно посещавшей мои концерты. Уж она-то, надеюсь, поняла мои слова и без книжек. Я видел, как у многих русских мои слова доходили до сердца, и я чувствовал с ними единение в родном искусстве».

В это время в зале находилась студентка Токийской императорской музыкальной академии Валентина Белоусова. Она приехала

Федор Иванович Шоляпин.

из Харбина по приглашению профессора академии Лео Сироты, который пользовался в Токио огромным уважением. Лео (Лев Григорьевич) оказался давним знакомым Федора Ивановича, и так случилось, что Валентина не только получила фотографию с дарственной надписью Шоляпина, карточку на бесплатный проход на все пять концертов, но и имела счастье все пять вечеров после концертов находиться в компании Федора Ивановича и его друзей.

В.В.Белоусова, живущая теперь в Новосибирске, рассказывает: «Ф.И.Шоляпин всегда был одет во фрак и в нем же, не переодеваясь, ехал всегда сразу после концертов в ресторан или на банкет. Федор Иванович ехал в машине с администратором и Годзинским, а я всегда была в машине с семьей Льва Григорьевича Сироты (его женой Гизеллой Абрамовной и дочерью Беатой). Были там еще скрипач и дирижер Токийского симфонического оркестра Николай Алексеевич Шифферблат и его жена Зинаида Александровна, скрипач Александр Яковлевич Могилевский, пианист Максим Григорьевич Шапиро. Были и другие музыканты — преподаватели Токийской императорской музыкальной академии. Это были русские евреи, поэтому разговор был всегда на русском языке. Г.Ф.Годзинский тоже всегда был и сидел рядом со мной. Ни в ресторанах, ни на банкетах Шоляпин никогда не пел и не играл.

Шоляпин не курил, а что он ел и пил — я не обращала внимания, так как упивалась его рассказами. Федор Иванович был прекрасным рассказчиком и ярко преподносил эпизоды из своей жизни. В ресторане обычно сидели долго, но точно до какого часа — я не помню. Выступления Федора Ивановича никогда не обсуждались, только произносились восторженные тосты за здоровье и успехи.

По домам разъезжались индивидуально, а Шоляпин еще ехал к Сироте или Шифферблату играть в бридж. Он очень любил играть после концерта и мог играть до утра, так как говорил, что все равно никогда не может уснуть после концерта от пережитых волнений».

НИКОЛАЙ ГОРБУНОВ

Хельсинки — Москва

Русская мысль. — Париж. — 1998. — 12-18 февр. — с. 11